

Теоретические дискурсы и дискуссии

Коммуникативное конструирование реальности и секвенциальный анализ. Личная реминисценция

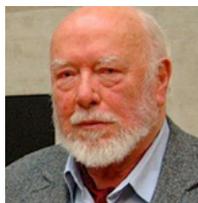
DOI: [10.19181/inter.2020.21.1](https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1)

Ссылка для цитирования:

Лукман Т. Коммуникативное конструирование реальности и секвенциальный анализ. Личная реминисценция / пер. с англ. В.В. Семеновой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 9–18. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1>.

For citation:

Luckmann Th. (2020) The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence / transl. from English: V.V. Semenova. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 1. P. 9–18. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.1>.

Томас Лукман*

В данной статье представлен исторический взгляд на возникновение так называемой коммуникативной парадигмы. Через личные воспоминания о своей долгой карьере Томас Лукман соединяет воедино основные источники того, что привело к радикальным изменениям роли языка и коммуникации в гуманитарных и социальных науках. При этом Лукман показывает,

* Томас Лукман (Thomas Luckmann, 1927–2016) — пожизненный почетный профессор социологии в Университете Констанца, Германия. Автор книги «Социальное конструирование реальности» (The Social Construction of Reality) — совместно с Питером Л. Бергером (Peter L. Berger); а также книг: “The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society” (1967), “The Sociology of Language” (1975), “The Structures of the Life-World” (1982, совместно с Альфредом Шюцем (Alfred Schütz)); “Theory of Social Action” (1992). Томас Лукман был почетным профессором нескольких европейских университетов и приглашенным профессором и сотрудником-исследователем университетов Франкфурта-на-Майне, Гарварда, Стэнфорда, Вены, Фрайбурга.

Данный доклад частично основан на лекции, прочитанной на симпозиуме в честь Пер Линелла в 2004 году в Университете Линчепинга, и более поздней версии, представленной в университете Праги в 2009 году. — *Примеч. авт.*

Перевод текста осуществлен доктором социологических наук, профессором В.В. Семеновой с разрешения журнала *Qualitative Sociology Review* по статье Т. Лукмана: Luckmann Th. The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence // *Qualitative Sociology Review*. 2013. № 9 (2). P. 40–46. Статья доступна по ссылке: http://www.qualitativesociologyreview.org/ENG/Volume25/QSR_9_2_Luckmann.pdf (дата обращения: 10.02.2020).

что эпистемологические и онтологические постулаты, на которые опираются современные исследования социальных интеракций и коммуникативных процессов, практически не существовали полвека назад. В то время как в студенческие годы Лукмана социология и лингвистика, казалось, существовали в разных вселенных, в конечном счете появился диалогический подход к языку и социальной жизни: например, в этнометодологии, конверсационном анализе и французском структурализме, что заложило основу идеи (воспринимающейся сегодня как сама собой разумеющаяся) о том, что социальные реальности являются результатом человеческой деятельности. Социальная реальность и картина мира человека, которые мотивируют и направляют интеракцию, в основном конструируются в ходе коммуникативных процессов. Если социальная реальность конструируется в коммуникативной интеракции, тогда наше наиболее достоверное знание об этой реальности исходит из реконструирования данных процессов. Подобные реконструкции в свое время были значительно облегчены такими технологическими достижениями, как магнитофон и видеоманитофон, что, наряду с теоретическими достижениями, может объяснять временные рамки коммуникативного поворота. Наконец, эта статья отмечает преимущества секвенциального анализа, позволяющего нам шаг за шагом отслеживать процессы, посредством которых социальная реальность конструируется и реконструируется.

Ключевые слова: коммуникативная парадигма; социология; лингвистика; социальная реальность; секвенциальный анализ

Само собой разумеется, что гуманитарные и социальные науки более глубоко укоренены в обществе и культуре своего времени, чем естественные. Конечно, любая научная деятельность предопределена исторически и культурно, но подобное позиционирование гуманитарных и социальных наук имеет дополнительный смысл. Медиумом их коммуникации является особый язык, а не универсальный язык математики (универсальная алгебра), и подобный специфический язык конструирует ту человеческую реальность, которую они, эти науки, исследуют. Таким образом, это рефлексивные дисциплины — в том смысле, в каком подобное не присуще физическим наукам, и они находятся под более непосредственным влиянием картины мира того общества, в котором они локализованы. В своем стремлении к объективности и систематической аккумуляции знания гуманитарные и общественные науки должны считаться с этим неизбежным обстоятельством.

Исследуя и интерпретируя историю национальных литератур, организацию локальных обществ, их законы или экономику, гуманитарные и социальные науки имеют тенденцию отчетливо проявлять — в дополнение к парадигматическому традиционализму — партикуляристские черты. Даже дисциплины, которые пытаются проникнуть в язык и социальную жизнь как

универсальные аспекты человеческого состояния, такие как антропология и социология, как правило, имеют тенденцию проявлять ту же слабость. Современная социальная теория и современная теория языка содержат хорошие примеры подобного наблюдения. На ранних этапах своего становления основные научные традиции этих теорий — французская, британская, немецкая, американская и русская — шли несколько различными путями. Тем не менее у них были две общие черты, выходящие за рамки их предмета изучения. Вопреки тому, что можно было бы ожидать, за немногими исключениями, для них общим было отсутствие интереса к более ранним традициям философии языка и социальной философии. Менее удивительно то, что они к тому же игнорировали друг друга. Одно примечательное исключение состояло в сотрудничестве Дюркгейма и Мейе² в *Année Sociologique* в начале XX века, другое, более общее, можно встретить в немецкой и американской этнологии. Однако в Германии и США этнология была менее тесно связана с социологией, чем во Франции.

Взаимное избегание социологии и лингвистики довольно трудно объяснить. В конце концов, систематизированная связь между теорией языка и теорией общества была предложена Вильгельмом фон Гумбольдтом еще в первые десятилетия XIX века³. По разным причинам воззрения Гумбольдта оказывали лишь ограниченное влияние в течение девятнадцатого и первой половины двадцатого века. Отголоски его мысли можно найти в основном в немецких исследованиях семантических полей, а также в упрощенном американском варианте у Сепира-Уорфа⁴, где идея Гумбольдта даже искажается в так называемой гипотезе лингвистической относительности. В обоих случаях это было статичное, приблизительное видение, довольно противоположное интересу Гумбольдта к языку как процессу коммуникации.

Ситуация резко изменилась за относительно короткий период моей академической карьеры: с тех пор, как я был студентом, и до сего дня. Как живому свидетелю этих процессов, мне, возможно, будет позволено поразмыслить над подобными изменениями, исходя из личной перспективы. Оглядываясь назад, я чувствую, что имею право сказать, что это было глубокое изменение; с некоторым небольшим преувеличением этот процесс можно назвать сдвигом парадигмы. Я могу засвидетельствовать тот факт, что лежит пропасть между тем, что считалось само собой разумеющимся в мои студенческие годы в лингвистике, социологии, а также и в социальной психологии, и теми постулатами, на которые мы опираемся теперь при изучении социальной интеракции и процесса коммуникации.

² Durkheim — Meillet collaboration, имеется в виду их сотрудничество как союз социолога и лингвиста. Антуан Мейе (Paul Jules Antoine Meillet, 1866–1936) — крупный французский лингвист, автор трудов по сравнительно-историческому языкознанию. — *Примеч. пер.*

³ Его введение к изучению языка Кави (Kawi — литературный язык островов Ява, Бали, Ломбок. — *Примеч. пер.*), посвященное разнообразию языковых конструкций человека и влиянию языка на умственное развитие человеческого вида (“On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species”), было опубликовано посмертно в 1836 году. Гумбольдт, хотя и сам не был карликом, стоял на плечах гигантов: Вико, графа Шэфтсбери, Хаманна, Гердера (Vico, the Earl of Shaftesbury, Hamann, Herder).

⁴ Sapir-Whorf — гипотеза взаимосвязи языка и культуры Сепира-Уорфа. — *Примеч. пер.*

В конце сороковых годов, когда я начал изучать сравнительное языкознание в Европе, доминирующим подходом был либо в старом смысле филологический, либо то, что тогда мне, нетерпеливому студенту, тщетно искавшему *La parole* в изучении *la langue* представлялось абстрактным структурализмом. Приехав в Соединенные Штаты Америки в начале пятидесятых годов, я все же получил степень магистра философии, но затем переключился на социологию. Будучи студентом Альфреда Шюца, я был избавлен от навязывания структурного функционализма, который казался мне столь же далеким от социальной жизни, как и доминировавшее в то время направление лингвистики — от использования языка. Структурный функционализм как разделяемая большинством теория общества, так же как и структурализм, и как несколько позднее появившаяся генеративная грамматика (или «порождающая грамматика». — Пер.), в качестве господствующих подходов к языку казались мне и статичными, и абстрактными, далекими от социальной реальности и человеческого общения. Пользуясь терминологией самого Гумбольдта, они имели дело с *εργον* [ergon = работа], а не с *ενεργεια* [energeia = энергия] языка и социальной жизни. Учитывая природу той реальности, которую они изучали, они вызывали разочарование еще и тем, что, как я обнаружил, социология и лингвистика не были тесно связаны между собой, казалось, что они существовали в разных вселенных. Хотя я сохранил сильный интерес к использованию и функциям языка в человеческой социальной жизни даже после того, как стал социологом, меня поразило, что социология в целом, и даже то, что тогда именовалось социологией языка, была лингвистически наивна до уровня невежества неведения. В то же время в лингвистике понятия социальной интеракции и социальной структуры, даже в зарождавшейся тогда субдисциплине прагматики, были очень скромного, доморощенного качества. Полвека назад такое положение дел воспринималось как должное большинством практиков, работавших в этих двух дисциплинах.

В мои намерения не входит подробное описание изменений в этих двух областях и обоюдного сближения между определенными, отнюдь не незначительными, разделами этих дисциплин. Однако я хотел бы указать на основные источники подобного изменения, на сдвиг в сторону того, что, хотя и по-разному, именуется коммуникативной парадигмой⁵. Я не совсем уверен, каким путем разработки в области лингвистической прагматики оказывали влияние на изменения в отношениях между теорией языка и социальной теорией. Вердикт относительно непосредственного влияния на эмпирические исследования воззрений Витгенштейна, которого много цитировали, особенно в некоторых дискуссионно-аналитических кругах,

⁵ Мой обзор социологии языка для *Handbuch der empirischen Sozialforschung* под редакцией Рене Кенига содержит относительно подробное описание. В доработанном издании 1979 года было отмечено гораздо больше изменений в теории и исследованиях, чем в первом издании 1969 года. И все же, когда я анализировал работы Выготского, Гофмана, Гумперца и Хаймса, Гарфинкеля, Сакса, Щеглова (Vygotsky, Goffman, Gumperz and Hymes, Garfinkel, Sacks, Schegloff) и других, имена Бахтина и Волошинова были по-прежнему упущены мной.

не может считаться окончательным. Так называемая теория речевых актов (speech-act theory), также много цитируемая, была далеко в стороне от реальных коммуникации.

Другой, несколько более ранний источник этих изменений напрямую связан с Гумбольдтом. Весьма любопытно, что рассуждения Гумбольдта не были проигнорированы в России в той мере, как в других странах. Главным сторонником гумбольдтовской мысли был Александр Потебня (Aleksandr Potebnja)⁶. Через него влияние Гумбольдта достигло Бахтина, формалистов и Романа Jakobсона. Западное «открытие» Бахтинско-Волошиновского (Bakhtin — Vološinov) фокуса на диалоге и жанре в философии языка и культуры внесло действенный вклад в изменение господствовавшей ортодоксии.

Сторонники диалогического подхода к языку и социальной жизни больше уже не игнорировались. Во Франции, сначала в работах Леви-Стросса, а затем Пьера Бурдьё, семена, посеянные сотрудничеством Дюркгейма и Мейе, принесли запоздалые плоды. Еще одним ранним источником изменений тогда, около сорока лет назад, была программа этнографии коммуникации (ethnography of communication), предложенная Джоном Гумперцем (John Gumperz) и Деллом Хаймсом (Dell Hymes). Примерно в то же время работы Альфреда Шюца стали питательной средой для двух других источников, которые прямо и косвенно способствовали становлению коммуникативной парадигмы в социальной теории. Одним из них была этнометодология и ее порождение — конверсационный анализ, а другим — «новая» социология знания, с одним из ее преемников — теорией коммуникативных жанров. Достаточно сказать, что то, что вы думаете и делаете сегодня, было бы немыслимо в то время, когда Гарфинкель был студентом Парсонса и переписывался с Шюцем в то же годы, что я учился у Шюца.

Каковы же тогда те положения, которые мы принимаем сейчас как должное в наших исследованиях настолько, что они кажутся тривиальными, и которые тогда встречали с недоумением или отвергали вовсе?

Социальная реальность не *просто* предстает для наблюдения, если таковое (наблюдение) понимать натуралистически. «Объективность» и «измерение» в социальных науках не означают в точности то же самое, что и в естественных науках. Естественные науки стремятся объяснить космос, которому нечего сказать — разве что в чисто метафорическом смысле. Это тот мир, на который надо смотреть, описывать и объяснять «объективно». С другой стороны, социальные науки исследуют мир, которому *есть* что сказать, который, по сути, говорил что-то задолго до того, как ученые начали его слушать. Социальный мир, таким образом, «естественно искусственен», если использовать термин, введенный Гельмутом Плесснером (Helmuth Plessner) (см. Plessner, 1964; 1975 [1928]). Традиции, посредством которых организованы человеческие общества, являются intersubъективным достижением. Это «естественно искусственный» (“naturally artificial”)

⁶ Александр Потебня, «Мысль и язык», Москва, 1862 (см. Lachmann, 1997).

результат длинных цепочек интеракций «естественно искусственных» человеческих существ.

Хотя человеческий род эволюционировал естественным путем, человеческие социальные миры, конечно, не являются прямым продуктом эволюции; они продукты чего-то, что *появлялось* в результате эволюции, и, таким образом, могут быть названы субъектом собственного порядка причинности. Человеческая *история* создается сама по себе. Традиции и институты не формируются как генетические проекты. Они конструируются в социальном взаимодействии и, будучи однажды закреплены в коллективной памяти общества, вновь передаются в процессе интеракций. Традиции и институты могут казаться менее осязаемыми, чем здания или артефакты, но они в той же степени реальны.

Таким образом, исторический запас знания и исторические институты конструируются, поддерживаются, передаются, трансформируются и иногда разрушаются в ходе социальной интеракции. Очевидно, что социальная интеракция — это нечто большее, чем индивидуальное действие, но она предполагает индивидуальное действие, действие, которое имеет смысл для тех, кто в нем участвует, независимо от того, приводит ли оно к результатам, которые были запланированы, или к болезненным результатам, когда последствия интеракции отличаются от тех, которые первоначально ожидались.

Очевидно, что смысл индивидуального действия по своей сути субъективен — но в основном он является производным от социального запаса знания, который выстраивается в ходе коммуникативной социальной интеракции. Социальная интеракция состоит из скоординированных, взаимосвязанных индивидуальных действий. Индивидуальное действие, в свою очередь, предполагает интенциональную активность, смысл которой преимущественно выстраивается на основе социального запаса знания.

Идея о том, что социальная реальность — это историческое «достижение» человечества, не нова. Она была предвосхищена длинной чередой философов и историков — от Аристотеля и Фукидида до Вико, Монтеня и Монтескье, а затем до Адама Смита и Маркса, если упоминать наиболее значимые фигуры из этого ряда. Тем не менее всеобъемлющая формулировка этой идеи должна была дожидаться двадцатого века. Макс Вебер, а после него Альфред Шюц, а после них другие, в том числе Питер Бергер и я, занялись разработкой основных связанных с ней эпистемологических и методологических вопросов. Основываясь на их взглядах, я рассмотрю отношения между индивидуальным и коллективным уровнями реальности, связь между действием, знанием и коммуникативным конструированием социальных миров.

Перед тем как перейти к этому изложению, я позволю себе кратко предвосхитить основной методологический вывод из подобного обзора. Помимо детализации эпистемологического вопроса о том, *как* должны быть сконструированы «данные», и онтологического вопроса о том, *из чего* они конструируются, должно быть достигнуто базовое согласие относительно

основного принципа онтологического реализма: что социальные реальности являются результатом человеческой активности. Данные социальных наук вытекают из этих реалий. Поскольку они (человеческие активности. — *Пер.*) формировались в ходе осмысленных социальных действий в исторически определенном социальном мире, они должны быть **реконструированы** как исходные данные для социальных наук таким образом, чтобы сохранить, а отнюдь не разрушить их сущностную значимость и историчность.

В наши дни, после того как долго господствовавшая «позитивистская» эра подошла к концу, общепринято считать, что «данные» — это «факты». Это означает, что «данные» — какую бы реальность они ни представляли — признаются коммуникативными конструктами. Учитывая специфическую природу социальной реальности, вряд ли стоит удивляться, что не существует общепринятого ответа ни на эпистемологический вопрос, *как* именно, ни на онтологический вопрос, *из чего* именно создаются эти данные. Споры о том, как следует отвечать на эти вопросы, были острыми в социальных науках. Однако реалистичная позиция состоит в том, что «данные» — это коммуникативные конструкции исследователя, основанные на прямом или непрямом, например, инструментально опосредованном наблюдении. То, что наблюдается, однако, не есть простые, чисто поведенческие факты, а социальная интеракция, как прямая, так и косвенная, и ее исторически определенный результат.

Не вся человеческая деятельность коммуникативная в обычном смысле этого слова. Люди охотятся на животных, возделывают поля, строят убежища, воспитывают детей, сражаются с врагами. Однако, как показывают эти простые примеры, даже то, что не является главным образом коммуникативной интеракцией, обычно облегчается или сопровождается ею. Человеческая социальная реальность и картина мира, которые мотивируют и направляют интеракцию, *как раз и формируются* в основном в коммуникативных процессах.

Реконструкции социальной реальности, как особый вид деятельности по производству данных в социальных науках, по определению являются коммуникативными актами. Реконструкции не ограничиваются, конечно, социальными науками. Они представляют собой чрезвычайно важный вид коммуникативной деятельности на первичном уровне социального дискурса (Bergmann, Luckmann, 1995). Реконструкции прошлых событий питают коллективную память семей, социальных групп и классов, институтов и целых обществ.

Если все это кажется очевидным, даже тривиальным сегодня, я хотел бы подчеркнуть, что это было совсем не так чуть больше поколения назад. Я уже пытался указать основные теоретические причины изменений, которые привели к возникновению того, что теперь называется коммуникативной парадигмой в социологии.

Если социальная реальность конструируется в коммуникативном взаимодействии и если оно пронизывает социальную жизнь, тогда наше наиболее достоверное знание об этой реальности исходит из реконструирования

этих процессов. Однако элементарной трудностью анализа коммуникативной интеракции, как и любого другого вида социального взаимодействия, является трансформация коммуникативных процессов в данные, поддающиеся анализу⁷.

Эта трудность может объяснить, почему в социальных науках предпочтение отдавалось данным иного рода. В отличие от мимолетных процессов взаимодействия и коммуникации их квазиобъективные продукты казались стабильными, что позволяло осуществлять их неторопливый и верифицируемый анализ. Методологическое предпочтение изучению социальными науками продуктов искусства и артефактов, актуарной статистики и регистрационных актов, документов и других «материальных» объектов, а также кодируемых ответов на вопросы интервью основывалось на предположении, что действие как процесс не поддается точному описанию и что субъективные компоненты эфемерных событий не могут быть объективированы. Методологический уклон, возникший из-за технических трудностей в определении процессов социальной интеракции, привел к искажению теоретического взгляда на человеческую реальность.

Интересно, что последнее звено в цепи событий, которые заметно изменили теоретические представления и практику изучения общества и языка в течение моей собственной жизни, представлено не теоретическим прогрессом, а технологическими новшествами.

Строгий анализ процесса социальной интеракции, в ходе которого и конструируются все разнообразные материальные и нематериальные компоненты социальной реальности, зависит от возможности «заморозить» этот процесс с целью последующего многократного изучения (Bergmann, 1985).

Эта возможность стала реальной меньше ста лет назад⁸. Однако методичное использование этих достижений социальной наукой, позволившее осуществить аудиальную, а затем и зрительную регистрацию данных процессов, началось значительно позже. Анализ продуктов социальной интеракции, от продуктов питания, одежды и инструментов, фабрик, церквей, тюрем и кладбищ до юридических кодексов, реестров рождений, музыкальных партитур и литературных произведений, безусловно, остается важным для понимания социальной реальности. В конечном счете *подразумевается*, что именно таковыми и должны быть продукты, производимые человеческой коммуникацией и интеракцией. Однако в последние десятилетия, принимая во внимание, прежде всего, новые технологии, мы оказались в значительно более выгодном положении, чтобы направить усилия на анализ «процесса производства» в сравнении с анализом «продукта» или «потребления» определенных «продуктов», то есть на анализ интеракции и диалога как составляющих социальной реальности или как источника

⁷ Далее я использую некоторые пассажи из моей статьи об интерпретации диалога (Luckmann, 1999).

⁸ Всего лишь около века назад одним из первых (если не самым первым) случаев использования фонографа была запись черногорских героических эпосов как источника для сравнения их с гомеровскими «Илиадой» и «Одиссеей» (ср. Parry, 1930; Lord, 1960).

существенной сферы социальной реальности. Кроме того, технологические инновации продолжали расширять арсенал инструментов, с помощью которых можно фиксировать и воспроизводить все более разнообразные виды социальных интеракций, обеспечивая тем самым базу данных для секвенциального анализа.

Это исследовательский процесс, в котором многие из нас участвовали и участвуют. Харви Сакс (Harvey Sacks), пионер в этой области, воодушевил значительное число своих последователей и преемников. Позже теория коммуникативных жанров использовала секвенциальный анализ. Поскольку первичные данные, а также большинство публикаций этих исследовательских проектов, в которых я много лет активно участвовал, осуществлены на немецком языке, а перевод подобного рода первичной информации почти невозможен, то результаты нашего изучения не дошли до исследователей в других странах, работающих на своих национальных языках. Группа по изучению международного диалога при Фонде Реймерса (Reimers Foundation) в Бад-Хомбурге, а также участники ныне, к сожалению, несуществующего центра коммуникативных исследований в Университете Линчепинга (University of Linköping) добились несколько более значительных результатов. Однако изучение широчайшего круга социальных явлений с использованием секвенциального анализа продолжается, как я уже отмечал, на родине этого метода — в Соединенных Штатах Америки, а также на второй его родине — Великобритании, например, в новаторских работах по политической риторике и в не менее известных исследованиях сферы труда.

Позвольте заключить: секвенциальный анализ не является единственным так называемым качественным методом — как же неуместен этот термин! — а качественные методы — не единственное спасение социологии. Однако я убежден, что секвенциальный анализ обеспечивает эмпирическое основание для существенной области современной социальной теории, в частности, для одной из ее отраслей — социологии знания. Он позволяет нам шаг за шагом отследить процессы, посредством которых конструируется и реконструируется социальная реальность. А это немаловажно.

Литература

Bergmann J. Flüchtigkeit und methodische Fixierung sozialer Wirklichkeit. Aufzeichnungen als Daten der interpretativen Soziologie // Entzauberte Wissenschaft. Zur Relativität und Geltung sozialer Forschung (Soziale Welt 3) / Ed. by W. Bonß, H. Hartmann. Göttingen: Schwarz, 1985. P. 299–320.

Bergmann J., Luckmann Th. Reconstructive Genres of Everyday Communication // Aspects of Oral Communication / Ed. by U. M. Quasthoff. Berlin, New York: De Gruyter, 1995. P. 289–304. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110879032.289>.

Lachmann R. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1997.

Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.

Luckmann Th. Remarks on the Description and Interpretation of Dialogue // International Sociology. 1999. № 14 (4). P. 387–402. DOI: <https://doi.org/10.1177/0268580999014004001>.

Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making. I: Homer and Homeric Style // Harvard Studies in Classical Philology. 1930. № 41. P. 73–147. DOI: <https://doi.org/10.2307/310626>.

Plessner H. *Conditio Humana*. Pfullingen: Günther Neske, 1964.

Plessner H. *Die Stufen des Organischen und der Mensch, Einführung in die philosophische Anthropologie*. Berlin, New York: De Gruyter, 1975 [1928]. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110845341>.

Дата поступления: 10.01.2020

.....

The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence

DOI: 10.19181/inter.2020.21.1

Thomas Luckmann

Luckmann Thomas — *Emeritus Professor of Sociology at the University of Constance in Germany.*

This paper presents a historical view of the emergence of what is known as the communicative paradigm. Through a personal reminiscence of his long career, Thomas Luckmann entangles the main sources of what was a radical shift of the role of language and communication in the humanities and social sciences. In doing so, Luckmann shows that the epistemological and ontological assumptions on which the contemporary study of social interaction and communicative processes rely were practically non-existent half a century ago. While sociology and linguistics seemed to exist in separate universes during Luckmann's student days, a dialogical approach to language and social life eventually appeared — for example, in ethnomethodology, conversational analysis and French structuralism — and laid the foundation to the (today taken for granted) idea that social realities are the result of human activities. Human social reality and the worldview that motivates and guides interaction are mainly constructed in communicative processes. If social reality is constructed in communicative interaction our most reliable knowledge of that reality comes from reconstructions of these processes. Such reconstructions have been greatly facilitated by technological innovation, such as tape— and video-recorder, which, alongside theoretical advancements, may explain the timing of the communicative turn. Finally, this paper marks the benefits of sequential analysis in enabling us to trace step-by-step the processes by which social reality is constructed and reconstructed.

Keywords: communicative paradigm; sociology; linguistics; social realities; sequential analysis

Received: 19.01.2020